

ОБРАЗ ПОБЕДЫ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В V в.

Римский император традиционно представлял в роли победителя как внутренних, так и внешних врагов. В этом ему неизменно сопутствовал образ *Victoriae*. Однако в V в. роль императора приобрела более светский и церковный характер – отныне август не пребывал в месте нахождения войска, командование взяли на себя *magistri militum*, сам же император большую часть своего времени проводил в собственном дворце, концентрируясь на участии в церемониальных мероприятиях, публичных увеселениях и христианских процессиях. На наш взгляд, хоть в сложившихся условиях император нередко представлял в роли благочестивого монарха, проводившего время в молитве, делал он это, судя по источникам, исключительно в столицах. Однако же в массовом искусстве – основном источнике сведений об образе императора в провинциях – август продолжал представлять вечным победителем, который справляет триумфы и которого *Victoria* вознаграждает венком.

Ключевые слова: поздняя Античность; потестарная имагология; репрезентация власти; Поздняя Римская империя; римский император; *Victoria*.

Римские императоры традиционно изображались в роли победителей. Военные заслуги империи объяснялись значимой ролью августа – он справлял триумфы, в иконографии ему сопутствовали военная атрибутика и олицетворение Победы, а названия побеждённых народов включались в императорскую титулатуру. Недаром победа заняла значительное место в идеологии римского имперского правления¹.

Т. Хельшер полагал, что в Античности победы над внешними врагами победители всегда старались конвертировать в политическую власть. В Римской империи этот процесс достиг апогея – символические проявления победы закрепляли идею господства императора как среди подчинённых народов, так и среди самих римлян, которых победоносность императора убеждала в его легитимности [1, р. 27]. Ярko эта система проявилась в III в., когда императоры в основном происходили из солдатской среды и никаких

заслуг, кроме военных достижений, не имели. Она стала основой практики изображения императоров в период тетрархии [2, s. 53]. Но наиболее значимые изменения, как утверждает И. Винанд, произошли во время правления Константина, когда император стал восхваляться как победитель не только и даже не столько внешнего врага, сколько внутреннего. Вопреки многовековой традиции, в 312 г. голова свергнутого римского императора Максенция была пронесена в триумфе в Риме под общее ликование масс [3, р. 177]. То есть теперь император именовался победителем безотносительно того, против кого воевал. Слово *victor* стало со временем титулом императора. Это дало основание И. Винанду назвать свою работу «Der Kaiser als Sieger» [4].

Однако к V в. в характере императорской власти произошли значительные изменения, противоречившие сложившейся системе, в которой император провозглашался вечным победителем. Главным образом по-

тому, что отныне август не вёл войско самостоятельно в бой, более того, он редко покидал своей дворец, теперь вся власть сосредотачивалась вокруг императорского двора². Ф. Майер даже назвал это дворцовой революцией [5]. Кроме того, в V в. христианство уже стало занимать доминирующую позицию в культурной жизни империи, а некоторые христианские идеалы вступали в противоречие с римскими традициями, в том числе в способах празднования и изображения побед. Таким образом, возникает вопрос: каким образом изменялась идеология победы в ситуации, сложившейся к V в.

Основной способ демонстрации императорской победы – это, безусловно, триумф [1, р. 37; 3; 6]. Однако в случае поздней Античности в литературе не сложилось чёткого понимания, что являлось триумфом. Одни исследователи, к которым относятся, например, М. Маккормик и С. Маккормак, воспринимают любые торжественные шествия одинаково, только первый называет их триумфами [6, р. 16, 35–79], а вторая – адвентусом [7, s. 726; 8, р. 55, 73, 80]. Другие же учёные, как Р. Пфайльшифтер или П. Ливерани, разделяют эти два явления, однако второй утверждает, что как таковых триумфов с V в. более не существовало [9, s. 463; 10, s. 500]. И действительно, триумф в традиционном понимании предполагал возвращение победоносного полководца под общее ликование и городское празднование, в течение которого демонстрировались трофеи и пленные, император уподоблялся Юпитеру и завершал своё шествие в храме Юпитера на Капитолии. Со времени Константина жертвоприношение в Капитолии больше не совершалось, император не уподоблялся Юпитеру, а к V в. император уже даже не был полководцем. Более того, не демонстрировались трофеи и даже пленные главным образом потому, что праздновались победы в гражданских войнах. Размытию же разницы между адвентусом и триумфом поспособствовало ещё и то, что отныне торжественное шествие, в том числе празднующее победоносность императора, могло происходить без привязки к конкретному политическому событию. Как уже упоминалось, воспевалась не какая-то конкретная победа, а победа и победоносность вообще. Как бы то ни было, традиционного

с республиканских времён триумфа действительно больше не наблюдалось, хоть празднования победы и сохранили, а возможно даже и преумножили свою значимость.

Одно исчезновение традиционных языческих элементов празднования победы не может говорить о христианизации этого праздника, необходимо понять, какие христианские элементы были привнесены, действительно ли происходила христианизация триумфа, как об этом писали исследователи [7, s. 726; 10, s. 505]. К сожалению, сохранилось мало описаний торжественных шествий V в. Наиболее достоверно мы знаем только о прибытиях императора Гонория в Рим в 404, 407 и 416 г. Описание первого сохранилось в панегирике Клавдиана³, второе известно только по императорским конституциям⁴, а о третьем сообщает Проспер⁵. Ни в одном из них нет никаких упоминаний христианского характера празднества, однако Августин в двух своих проповедях сообщает, что Гонорий в ходе своего шествия остановился перед гробницей Адриана и повернул в сторону гробницы Петра, где находится его базилика⁶. Там был совершён «акт смирения», как пишет Златоуст про Константина, также посетившего гробницу Петра: «Тот, кто носит пурпур и диадему, отбросив свою гордыню, умолял рыбака стать его защитником»⁷. То же самое сделал Теодорих, отдавая дань своим предшественникам, в 500 г.⁸ Это и дало исследователям основания утверждать, что императорский церемониал был христианизирован, однако, например, Р. Пфайльшифтер отнёсся скептически к сообщению Августина, поскольку невозможно определить, являлось ли посещение гробницы частью триумфального шествия, и каким-то образом его датировать [9, s. 467–468]. Однако триумфальные арки и колонны, построенные в V в., через которые триумфант должен был пройти, располагались как раз на пути к базилике Петра рядом с гробницей Адриана – по дороге из Палатина к мосту Элия [10, s. 505].

Восточная столица, разумеется, была тоже наполнена различными символами победы: колонны, императорские статуи, обелиск Феодосия, ипподром [4; 11; 12]. На форуме Аркадия колонна демонстрировала новое понимание концепции императорской

победы. На рельефах в основании колонны фигуры императоров и их свита изображены вместе со знаками христианской победы – христоматомой и крестом [12, s. 203–212]. Такое сочетание христианских образов с традиционным визуальным языком имперского триумфа было беспрецедентным. Военный успех таким образом понимался как дар христианского бога. Исток такого понимания лежит в традиции, заложенной Евсевием при описании победы Константина у Мульвиева моста, символ чего нашёл отражение и в диптихе Гонория⁹. Всё же триумфальные шествия после Феодосия I в Константинополе стали редкостью, и, по общему убеждению ряда исследователей, императорская победа переместилась на ипподром и в цирк. Теперь здесь проводились основные празднования императорских побед [6, p. 92; 13]. Присутствие императора на ипподроме, наблюдавшего за гонками на колесницах, или же на любых других представлениях значительно сказывалось на его популярности в народе. Как отмечал П. Вейн: «Победа одной из группировок колесничих в цирке была хорошей возможностью отпраздновать в символическом ритуале вечную победу монарха и превратить цирковые церемонии в своего рода триумф» [14, p. 400]. Удовольствие, которое население получало от наблюдения за увеселениями, удовлетворяло желание императора быть почитаемым своими подданными, потому что именно император получал славу за участие в играх, ведь в стандартную формулу актов почтения, исполняемых на представлениях, оказывалось пожелание августу крепкого здоровья.

В этих празднованиях нет никаких новшеств, наоборот, христиане и ранее нередко отмечали публичные увеселения и осуждали их, потому что они отравляют душу¹⁰. Один из самых благочестивых императоров Феодосий II в 425 г. после получения известий о гибели западного узурпатора Иоанна призвал народ прекратить зрелища и пойти «возносить благодарственные молитвы богу, чья рука низвергла тирана»¹¹. И якобы все зрители отправились вместе с августом на молитву, превратив весь город в церковь¹². История звучит сомнительно, особенно если мы учитываем любовь римлян этого времени к цирковым и театральным представлениям,

о которых пишут как христианские, так и языческие авторы¹³. Однако мы знаем и другие случаи, когда император публично представлялся в роли истового христианина: Феодосий II в 438 г. присутствовал на церемонии переноса реликвий, вывезенных из Иерусалима и перевезённых в Константинополь [2, s. 61; 15; 16, p. 42], а в 447 г. всё тот же август после разрушительного землетрясения босиком прошёл семь миль от Большого дворца до Ебдомона¹⁴. С. Дестефен на основании этого даже сделал вывод, что легитимность императора сосредотачивалась в его благочестии [2, p. 60]. Изображение правителя на основе благочестия и даже аскетизма, казалось, противоречило образу всемогущего и всепобеждающего императора. Тем более мы знаем о практиках почитания фигуры монарха и его статуй, которые обладали сверхъестественной силой – им было необходимо поклоняться, совершать проскинезу, около статуй можно было искать защиты [17]. Ситуация, в которой император становился рядовым молящимся, находившимся в окружении собственных статуй, подчёркивавших сверхъестественный характер его власти и всемогущества, представляется довольно необычной.

При этом все сведения об актах благочестия императоров имеются только у церковных авторов, и они не находят никаких подтверждений в изображениях. Но даже если все эти акты императорского смирения действительно имели место, то проводились они исключительно в пределах Рима или Константинополя, а значит в масштабах всей империи публика была немногочисленной, тем более что сообщали о них только церковные авторы. Вероятно, имеет смысл говорить о том, что к V в. выстраивался новый императорский образ для новой аудитории, и этот образ не сильно пересекался с традиционным. За пределами Рима и Константинополя сведения об императорском благочестии могла получить только образованная христианская публика и, возможно, прихожане, слушавшие проповеди. Основной же источник сведений об императорском образе для римских провинциалов – это монеты, печати или другие изображения [18, p. 115–135]. А в этом ключе император продолжал представлять, прежде всего, военным победи-

телем. Император в эпитафийке повсеместно именуется *victor et triumphator* [19], а на изображениях он в доспехах со щитом и копьем, и ему сопутствует Виктория, которая надевает на голову императора лавровый венок [5, р. 20; 9, s. 462; 18, р. 115–135; 20, s. 248]. Разумеется, в нумизматике также прослеживается влияние христианства, главным образом в использовании символа креста, христоматии, лабарума, что наблюдалось ещё в IV в.¹⁵ Но ничто из этого не меняло принципиально образ императора и образ императорской победы – не демонстрировались акты смирения, церкви, реликвии. Напротив, император в иконографии также наступает на головы врагам, держит их за волосы и участвует в триумфальном шествии¹⁶.

Таким образом, императорская власть, очевидно, христианизируется – появляется новая общественная сила, которая выступает против традиционного образа императора как всемогущего властителя и победителя, чествование которого должно осуществляться в ходе триумфальных шествий и публичного торжества. Эта новая сила, напротив, утверждает необходимость благочестия августа и его смирения, таким же образом стремится его представить. Однако, на наш взгляд, следует разделять положение дел в столицах и в провинции. Если в столицах образ императора стремительно христианизировался, то традиционный облик импера-

тора как победителя, появившийся ещё в раннюю эпоху, продолжал оставаться наиболее распространённым во всех прочих уголках империи, будучи представлен посредством изображений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Bellinger A. R.* Victory as a coin type. – New York : the American Numismatic Society, 1964. – P. 68; *Gagé J.* La théologie de la victoire impériale // *Revue Historique.* – 1933. – No. 171 (1). – P. 1–33.

² См.: *Maier F.* Palastrevolution. Der Weg zum hauptstädtischen Kaisertum im Römischen Reich des vierten Jahrhunderts. – Berlin : De Gruyter, 2019. – 462 s.

³ *Claud. De VI Cons. Hon.* 491–660.

⁴ *Cod. Theod.* XVI. 5.40; VII. 13.18; VII. 20.13.

⁵ *Prosp. Tiro. Chron.* 1263.

⁶ *August. Serm. Pag. ingred.* 26; *De psalm.* 21. *Serm.* 4.

⁷ *PG* 61, 582.

⁸ *Anon. Val.* 65–7.

⁹ *Euseb. Vita Const.* 1.26–31.

¹⁰ *Tertul. De spect.;* *PL* 38, 1025.

¹¹ *Soc.* VII. 23. 11–13.

¹² Там же.

¹³ *Amm. Marc. XXVIII.* 4. 29; *Chrys. Contra Ludos.* 263; *Sev. Ant. Hom.* 18. 27.

¹⁴ *Malal. Chron.* 14.22.

¹⁵ См., например: *Holum K.* Pulcheria's Crusade A.D. 421–22 and the Ideology of Imperial Victory // *Greek, Roman and Byzantine studies.* – 1977. – Vol. 18. – P. 153–172.

¹⁶ *RIC X* 2633, 2084, 275, 370, 644, 29b3, 47c etc.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hölscher T.* The Transformation of Victory into Power: From Event to Structure // *Dillon S., Welch K. E. (eds.). Representations of War in Ancient Rome.* – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – P. 27–48.
2. *Destephen S.* Late Roman emperors in Constantinople: embodiment and 'unbodiment' of Christian virtues // *Byzantinische Zeitschrift.* – 2022. – Bd. 115 (1). – S. 47–68.
3. *Wienand J.* «O tandem felix civili, Roma, victoria!» Civil War Triumphs From Honorius to Constantine and Back // *Wienand J. Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD.* – Oxford : Oxford University Press, 2014. – P. 169–197.
4. *Wienand J.* Der Kaiser als Sieger. Metamorphosen triumphaler Herrschaft unter Constantin I. – Berlin : de Gruyter, 2012. – 646 s.
5. *Stepanova E.* Victoria – Nike, on Early Byzantine Seals // *Cheynet J.-C., Sode C. Studies in Byzantine Sigillography* 10. – Berlin : de Gruyter, 2010. – P. 15–24.
6. *McCormick M.* Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 472 p.
7. *MacCormack S.* Change and Continuity in Late Antiquity: The Ceremony of "Adventus" // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte.* – 1972. – Bd. 21 (4). – S. 721–752.
8. *MacCormack S.* Art and ceremony in late antiquity. – Berkeley : University of California Press, 1981. – 450 p.
9. *Pfeilschifter R.* Der römische Triumph und das Christentum // *Wienand J., Goldbeck F. Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike.* – Berlin : de Gruyter, 2017. – S. 455–486.
10. *Liverani P.* Roma tardoantica come spazio della rappresentazione trionfale // *Wienand J., Goldbeck F. Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike.* – Berlin : de Gruyter, 2017. – S. 487–511.

11. Bauer F. A. Urban Space and Ritual: Constantinople in Late Antiquity // *Acta ad archaeologiam et historiam artium pertinentia*. – 2001. – № 15. – P. 27–61.
12. Bauer F. A. Platz und Denkmal in der Spätantike. – Mainz : P. von Zabern, 1996. – 448 s.
13. Pfeilschifter R. Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole. – Berlin : de Gruyter, 2013. – 738 s.
14. Veyne P. Bread and Circuses: Historical Sociology and Political Pluralism. – London : Penguin Books, 1992. – 528 p.
15. Diefenbach S. Zwischen Liturgie und civilitas. Konstantinopel im 5. Jahrhundert und die Etablierung eines städtischen Kaisertums // Warldand R. Bildlichkeit und Bildorte von Liturgie. – Wiesbaden : Dr Ludwig Reichert Verlag, 2002. – S. 21–49.
16. Kelly C. Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 342 p.
17. Конопаткин В. А. Imagines Augusti: к вопросу о роли императорских изображений в городах Поздней римской империи // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2023. – № 4. – С. 116–123.
18. Reese R. Coins and politics in the Late Roman world // *Late Antique Archaeology*. – 2006. – № 3 (1). – P. 113–137.
19. Конопаткин В. А., Скворцов А. М. Титулатура императоров Поздней Римской империи (конец III – середина V вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – № 9 (2). – С. 214–223. – DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.6.
20. Alfoldi R. Die Bedeutung des Repräsentationsbildes in der Spätantike // *Gloria Romanorum: Schriften zur Spätantike*. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2001. – S. 244–250.

Сведения об авторе

Конопаткин Владислав Алексеевич – аспирант кафедры истории древнего мира исторического факультета

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Адрес для корреспонденции: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

E-mail: vladgimn93@gmail.com

РИНЦ AuthorID: 1009691

ORCID: 0000-0002-4579-1753

Информация о статье

Дата поступления
24 июня 2024 г.

Дата принятия в печать
7 октября 2024 г.

Для цитирования

Конопаткин В. А. Образ победы и репрезентация власти римских императоров в V в. // *Вестник Омского университета*. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11, № 4 (44). С. 7–12. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(4).7-12.

V.A. Konopatkin

THE IMAGE OF VICTORY AND REPRESENTATION OF THE POWER OF ROMAN EMPERORS IN THE 5th CENTURY

The Roman emperor was traditionally presented as the victor. In this regard, he was always accompanied by the image of Victoria. However, in the fifth century, the role of the emperors underwent a transformation, acquiring a more secular and ecclesiastical character. Augustus, for instance, no longer resided at the location of the army, with the command being assumed by the *magistri militum*. Instead, the emperor only appeared in the capital as a pious monarch, devoting his time to prayer. Nevertheless, in popular art produced outside the capital cities, Augustus was depicted as the eternal victor, rewarded by Victory with a wreath.

Keywords: Late Antiquity; potestiar imagology; representation of power; Late Roman Empire; Roman emperor; Victoria.

REFERENCES

1. Hölscher T. The Transformation of Victory into Power: From Event to Structure, in: Dillon S., Welch K.E. (eds.). *Representations of War in Ancient Rome*, Cambridge, Cambridge University Press, 2009, pp. 27–48.
2. Destephen S. Late Roman emperorship in Constantinople: embodiment and ‘unbodiment’ of Christian virtues. *Byzantinische Zeitschrift*, 2022, Bd. 115 (1), ss. 47–68. (in German).

3. Wienand J. "O tandem felix civili, Roma, victoria!" Civil War Triumphs From Honorius to Constantine and Back, in: Wienand J. *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD*, Oxford, Oxford University Press, 2014, pp. 169-197.
4. Wienand J. *Der Kaiser als Sieger. Metamorphosen triumphaler Herrschaft unter Constantin I*, Berlin, de Gruyter, 2012, 646 s. (in German).
5. Stepanova E. Victoria – Nike, on Early Byzantine Seals, in: Cheynet J.-C., Sode C. *Studies in Byzantine Sigillography 10*, Berlin, de Gruyter, 2010, pp. 15-24.
6. McCormick M. *Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West*, Cambridge, Cambridge University Press, 1990, 472 p.
7. McCormack S. Change and Continuity in Late Antiquity: The Ceremony of "Adventus". *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1972, Bd. 21 (4), ss. 721-752.
8. McCormack S. *Art and ceremony in late antiquity*, Berkeley, University of California Press, 1981, 450 p.
9. Pfeilschifter R. Der römische Triumph und das Christentum, in: Wienand J., Goldbeck F. *Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike*, Berlin, de Gruyter, 2017, ss. 455-486. (in German).
10. Liverani P. Roma tardoantica come spazio della rappresentazione trionfale, in: Wienand J., Goldbeck F. *Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike*, Berlin, de Gruyter, 2017, ss. 487-511. (in Italian).
11. Bauer F.A. Urban Space and Ritual: Constantinople in Late Antiquity. *Acta ad archaeologiam et historiam artium pertinentia*, 2001, no. 15, pp. 27-61.
12. Bauer F.A. *Platz und Denkmal in der Spätantike*, Mainz, P. von Zabern, 1996, 448 s. (in German).
13. Pfeilschifter R. *Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole*, Berlin, de Gruyter, 2013, 738 s. (in German).
14. Veigne P. *Bread and Circuses: Historical Sociology and Political Pluralism*, London, Penguin Books, 1992, 528 p.
15. Diefenbach S. Zwischen Liturgie und civilitas. Konstantinopel im 5. Jahrhundert und die Etablierung eines städtischen Kaisertums, in: Warldand R. *Bildlichkeit und Bildorte von Liturgie*, Wiesbaden, Dr Ludwig Reichert Verlag, 2002, ss. 21-49. (in German).
16. Kelly C. *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*, Cambridge, Cambridge University Press, 2013, 342 p.
17. Konopatkin V.A. Imagines Augusti: k voprosu o roli imperatorskikh izobrazhenij v gorodah Pozdnej rimskoj imperii [Imagines Augusti: on the Role of Imperial Images in the Cities of the Late Roman Empire]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2023, no. 4, pp. 116-124. (in Russian).
18. Reece R. Coins and politics in the Late Roman world. *Late Antique Archaeology*, 2006, no. 3 (1), pp. 113-137.
19. Konopatkin V.A., Skvortsov A.M. Titulatura imperatorov Pozdnei Rimskoj imperii (konets III – seredina V vv.) [Titles of the emperors of the late Roman Empire (late III–mid V centuries)]. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya* [Humanities and law research], 2022, no. 9 (2), pp. 214-223. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.6. (in Russian).
20. Alfoldi R. Die Bedeutung des Repräsentationsbildes in der Spätantike. *Gloria Romanorum: Schriften zur Spätantike*, Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2001, ss. 244–250. (in German).

About the author

Vladislav A. Konopatkin – Postgraduate Student of the Department of History of the Ancient World

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

Postal address: 1, Leninskie gory, Moscow,
119991, Russia

E-mail: vladgimn93@gmail.com

RSCI AuthorID: 1009691

ORCID: 0000-0002-4579-1753

Article info

Received
June 24, 2024

Accepted
October 7, 2024

For citations

Konopatkin V.A. The Image of Victory and Representation of the Power of Roman Emperors in the 5th Century. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2024, vol. 11, no. 4 (44), pp. 7-12. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(4).7-12 (in Russian).